

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1997 г.

R.H. SACK. *Cuneiform Documents from the Chaldean and Persian Periods*. London – Toronto: Associated University Presses, 1994. X. 129 p., 64 pl.; Neriglissar-King of Babylon. Neukirhen – Vluyn: Verlag Butzon-Bercker (Alter Orient und Altes Testament. Bd 236), 1994. XIII. 241 p. 28 pl.

В первой из рецензируемых книг известного американского ассириолога Роналда Зака опубликованы 113 клинописных документа халдейского и ахеменидского времени, которые составляют часть коллекции Музея мирового наследия (World Heritage Museum) при Иллинойском университете. В этой коллекции насчитывается 1700 клинописных табличек, 250 из которых относятся к VII–IV векам до н.э., хотя только 122 из них датируются более или менее точно. Эта коллекция была куплена в 1913 г. у специалиста по библейской археологии и коллекционера Эдгара Бакса. Тексты эти в своем большинстве сохранились довольно плохо, так как они происходят из нелегальных раскопок, и, следовательно, с ними обращались небрежно.

Опубликованные документы происходят из архива Эанны, главного храма города Урука. В хронологическом отношении они датируются временем от первого года Набополасара до шестого года Камбиза (604–524 гг. до н.э.). Документы отражают различные аспекты храмовой экономики и содержат информацию о повседневной жизни, будучи долговыми расписками, арендными контрактами, повестками в суд, текстами о выделении овец и крупного рогатого скота для жертвоприношений и о пайках для храмовых рабов и выплатах чиновникам и свободным ремесленникам, работавшим на Эанну. Документы даны в транслитерации, переводе и в фотографиях, но без клинописной автографии, что в ряде случаев создает трудности в их чтении, так как фотографии не всегда отчетливо воспроизводят вавилонскую скоропись. Книга содержит также каталоги текстов, указатели собственных имен, географических названий и профессиональных обозначений.

Книга открывается обстоятельным введением, в котором рассматриваются состав правления Эанны и функции высших храмовых чиновников. Самый высокопоставленный гражданский чиновник Урука носил титул *šakin ėmi*. Зак сомневается в правильности перевода рецензентом этого титула как «наместник» и считает, что он скорее был должностным лицом, распоряжающимся деньгами («comptroller», см. с. 27, прим. 7). Однако, как мне представляется, высший гражданский чиновник, назначенный царем в Урук или в другие города, мог быть только наместником. По мнению Зака, деятельность управляющего (*šatammu*) Эанной в основном ограничивалась внутренними делами храма, в то время как «попечитель» (*qiru*) часто находился вне Урука, выполняя различные поручения храмовой администрации. Один из попечителей Эанны (Син-иддин) владел домом в Вавилоне, который он время от времени сдавал в аренду, выговаривая при этом для себя право останавливаться там, когда он находился в столице. Вероятно, как полагает Зак, он был жителем Вавилона, которого царь направил на службу в Урук. Данная в книге хронологическая таблица чиновников Урука и Эанны с указаниями их имен и ссылками на документы (с. 30–41) является ценным и удобным источником для дальнейшего исследования административной структуры нововавилонских городов и их храмов.

Зак считает, что титул «писец (DUB.SAR) Эанны» следует переводить «счетовод Эанны», поскольку, по его мнению, писцы не составляли документы и упоминаются в последних лишь в связи с получением храмом различных доходов (например арендной платы с полей, см. с. 19). Это не совсем верно. Хотя храмовые писцы, прежде всего, выполняли функции учетчиков храмового имущества, тем не менее все дошедшие до нас документы из архивов Эанны были несомненно составлены писцами этого святилища.

До сих пор ассириологи полагали, что значительное вмешательство царской власти в храмовые дела началось лишь в конце правления последнего вавилонского царя местного происхождения Набонида и затем продолжалось и после завоевания Месопотамии персами в 539 г. до н.э. Считается также, что для осуществления контроля над храмом Эанна Набонид назначил туда чиновника, который носил титул *ša reš šarri bēl piqitti* («представитель царя, распорядитель имуществом»). Зак считает, что это мнение следует полностью пересмотреть, поскольку, по его мнению, контроль дворца над храмами был значительным в течение всего нововавилонского периода. При этом он ссылается на текст, опубликованный А. Гетце в «*Yale Oriental Series*» (том 15, № 10), где указанный выше титул засвидетельствован в Эанне еще при Навуходоносоре II (с. 19–20). Это издание мне пока недоступно, однако единичное упоминание данного титула вряд ли может поколебать вывод, основанный на многих сотнях текстов из архивов Эанны и других храмов. Этот вывод заключается в том, что до времени Набонида государство вмешивалось в экономическую жизнь храмов лишь в слабой степени.

Остановимся кратко на некоторых текстах. Судя по № 2 (583 г.), 23 мины 30 сиклей бронзы стоили 6 мин 40 сиклей железа. Согласно № 15, три дубленые шкуры стоили $3\frac{3}{4}$ сикля серебра. По свидетельству № 6, меч с изображением льва был передан для ремонта двум мастерам золотых дел. В № 77 отмечается, что два поименно названных человека привели своего отца в собрание граждан Урука и обратились к ним с просьбой установить, что он по своему статусу был свободным человеком. № 83 является долговой распиской на 9 талантов (270 кг) шерсти. Кредитором являлось частное лицо, а должником – храм Эанна, чиновники которого поручились друг за друга в погашении ссуды.

Ряд текстов, как мне представляется, переведен неточно. Например, в № 23 говорится о получении одним храмовым пастухом пяти овец (а не «пятiletних овец»), которые стоили 5 сиклей серебра. В № 39 отмечается выдача 30 овец для «жертвоприношений старших пастухов» (*paqīdu*), а не «садовников». В переводе № 71 опущена часть важной информации. Текст фиксирует выплату 2 кур (360 литров) ячменя в качестве продовольствия кирпичникам, которые были наемниками, а не просто кирпичниками. Перевод № 111 явно неверен. В документе говорится о выдаче 18 литров (учитывая, что 1 ка приблизительно равнялся 1 л) пива «работникам, которые посланы за финиками» (ср. перевод издателя: «за финики, которые доставлены и вручены»).

Вторая из рецензируемых книг посвящена вавилонскому царю Нериглиссару (Нергал-шар-упур, 560–556 гг. до н.э.). Во вводных главах (с. 1–47) автор рассматривает клинописные источники (надписи самого Нериглиссара и сообщения вавилонской хроники), а также греческие, латинские и еврейские (в том числе и средневековые) сообщения о нем. Клинописные данные о его деятельности довольно скудны и главным образом ограничиваются описанием строительства и ремонта им храмовых зданий, а также указанием на один поход против страны Пиринду в Малой Азии. Из двух документов, датированных соответственно 9-м и 34-м годами царствования Навуходоносора II (596 и 571 гг.) видно, что еще до вступления на трон Нериглиссар был уже пожилым человеком и находился в активных связях с известными деловыми домами нур-Сина и Эгиби. Контракты, датированные правлением Амель-Мардука (562–560 гг.) также свидетельствуют о том, что Нериглиссар активно сотрудничал с Набу-аххеидином, главой дома Эгиби, покупая при его посредстве поля и дома, а также ссужая деньги третьим лицам.

Античные источники содержат сведения о Нериглиссаре, которых нет в клинописных текстах. Особую ценность представляют сообщения Беросса, Мегасфена, Иосифа Флавия и Клавдия Птолемея. В III и IV вв. н.э. стали появляться многочисленные хроники, целью которых было увековечение важных исторических событий, начиная со времен Адама. Среди таких сочинений самой важной была хроника Евсевия (ок. 265–340 гг.), в которую включены ценные фрагменты из произведений Беросса и Мегасфена.

Если верить Берессу, правление Амель-Мардука было прервано его убийством заговорщиками, которые поставили царем Нериглиссара. По мнению Зака, данные вавилонских документов подтверждают, что Нериглиссар был узурпатором. Укрепившись на троне, он устранил от должностей влиятельных чиновников в тех городах, где его не поддерживали. Например, Сиппар и Борсиппа входили в сферу его влияния еще в те времена, когда он был частным лицом. Но, по-видимому, в Уруке к захвату им престола отнеслись отрицательно, и он сместил там в храме Эанна ряд важных чиновников, заменив их другими (с. 27–29).

Имевшиеся до сих пор свидетельства указывали на то, что царствование Амель-Мардука окончилось в середине августа 560 г. и через шесть дней после последнего документа, датированного по его правлению, был составлен самый ранний из известных документов времени Нериглиссара. Однако в рецензируемой книге опубликован документ из Сиппара от 4

дня месяца аяру, т.е. 27 мая 560 г. (№ 91). Ссылаясь на этот текст, Зак датирует начало царствования Нериглиссара концом мая 560 г. Фото этого документа, на мой взгляд, довольно нечетливо, но если транслитерация верно воспроизводит текст таблички, то возникает явное противоречие с датировками двух давно известных текстов, которые были соответственно составлены 3 и 7 августа 560 г. и относятся к царствованию Амель-Мардука. Можно надеяться, что будущие находки клинописных табличек внесут ясность в этот вопрос.

К настоящему времени опубликовано около 200 документов времени Нериглиссара, 104 из которых даны в рецензируемой книге в транслитерации и переводе, в том числе 19 ранее не издававшихся табличек из Британского музея (№ 85–104). Часть документов, датированных по правлению Нериглиссара, не включена в рецензируемый корпус, либо потому, что они сильно разрушены и поэтому не поддаются связному переводу, либо уже были опубликованы недавно другими ассириологами и поэтому не нуждаются в переиздании. Более двадцати текстов происходит из Сиппара, остальные из Ниппура, Киша, Вавилона, Урука и других городов. Остановимся на некоторых наиболее интересных текстах.

№ 82 содержит поручительство одной женщины за своего мужа перед его братом и ее обязательство привести его к брату, когда тот вернется «из той стороны» города Акшака. № 85 фиксирует денежную ссуду под залог рабыни, отданной в антихрету. По условиям документа, в течение двух лет кредитор не будет платить за труд рабыни, но также не будет получать проценты на ссуду, которая составляла 30+ [...] сиклей серебра. Однако если рабыня «уйдет куда-либо», должник обязан за каждый день ее отлучки платить кредитору по три литра ячменя. Документ был написан в Вавилоне самим должником в присутствии своей матери. № 87 является контрактом о продаже дома «в центре Сиппара» за 1 мину 5 сиклей серебра. № 93 фиксирует выдачу одного сикля серебра, чтобы законопатить лодки. В № 95 некий Лабашид сдал на склад храма Эбббарра в Сиппаре 38 талантов (1140 кг) муки. По свидетельству № 97, 18 литров семян кресс-салата стоили 60 литров ячменя. В № 100 два родственника выделяют соответственно 20 кувшинов «отменного» пива и 30 сиклей серебра для совместной торговли, доходы от которой предполагалось поделить поровну. Кроме того, один из контрагентов отдал для торговых целей свой дом в Сиппаре, за который его компаньон обязался платить 8 сиклей серебра в год (перевод Зака «в месяц» является явным недосмотром). В № 104 отмечается выдача 56 литров ячменя в качестве корма для 390 птиц.

В заключение мы должны сказать, что благодарны проф. Заку за публикацию значительного количества вавилонских документов разнообразного содержания, которые являются ценным дополнением к многим тысячам ранее изданных синхронных текстов. Хотя единственный документ о ссуде, аренде земли или дома или контракт об обучении какому-либо ремеслу иногда может многое сказать об эпохе, в большинстве случаев такие документы, взятые сами по себе, изолированно от других текстов, не представляют значительного интереса. Лишь составляя из отдельных документов целые архивы, относящиеся к жизни одного и того же индивидуума или одних и тех же семей на протяжении нескольких поколений, можно максимально использовать информацию, содержащуюся в документах повседневной жизни. Поэтому публикация новых текстов независимо от того, являются ли они уникальными или заурядными, еще долго останется важной задачей ассириологов.

М.А. Дандамаев

© 1997 г.

CARL A. ANDERSON. *Athena's Epithets. Their Structural Significance in Plays of Aristophanes*. Stuttgart – Leipzig: B.G. Teubner, 1995. XV, 99 S.

Всякому, конечно, ясно, что переработанная для печати диссертация по классической филологии, даже если она, как в нашем случае, выходит в солидном зарубежном издательстве, не ставит перед собой целью решить какие-либо глобальные задачи или прийти к всеобъемлющим теоретическим выводам. Хорошо, если удастся добавить какие-то незамеченные штрихи к характеристике того или иного явления, к образу того или иного автора. Особенно это касается знаменитых афинских драматургов, о каждом из которых в истекающем столетии